

го сердца—но какой здоровый, сочный, видный, законченный и цвѣтущій плодъ жизни ты намъ даешь на склонѣ нашихъ дней, очистивъ насъ сызмала, уцѣломудривъ чрезъ всю жизнь въ мысли, въ словѣ и въ дѣлѣ, смиривъ, возвысивъ, сдѣлавъ крѣпкою, нужною, святою въ общей системѣ міросозиданіи!

Спасительное «некогда»! Ты—истинный перстъ Божій надъ нами!

«Немыслихъ пути Твоя, и возвратихъ нозѣ мои во свидѣнія Твоя» (Псал. 118, 59). Священникъ.

Прощальный день въ семинаріи.

Какъ сонъ прошли шесть лѣтъ въ семинаріи и наступилъ наконецъ послѣдній, прощальный день—воскресенье 11-го іюня. Еще съ вечера чувствовалось среди товарищей какое-то особенное, приподнятое настроеніе. Всякій зналъ, что еще немного времени и ему придется разстаться съ товарищами и друзьями, съ которыми онъ дѣлилъ и радости и горе, а впереди его ожидаетъ жизнь со своей таинственностью и неумолимой жестокостью. Правда, все это являлось въ сознаніи многихъ не въ видѣ отчетливыхъ представлений, а какъ безотчетное чувство грусти.

Ровно въ 10 часовъ началась Божественная литургія, которую совершалъ о. Ректоръ въ сослуженіи трехъ іеромонаховъ, о. духовника и двухъ діаконовъ. Въ виду важности момента было прочитано особое евангеліе, начинавшееся словами: „*чадца, еще съ вами мало есмь*“ и оканчивалось: „*Въ міръ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ*“. Нечего, конечно, и говорить о томъ, сколько великихъ истинъ напомнило сознанию стоящихъ у порога жизни юношей это евангельское чтеніе и какимъ прекраснымъ назиданіемъ оно могло послужить для насъ въ эту минуту. Очень хорошо и съ одушевленіемъ была пропѣта «Херувимская» *Ломакина* и «Милость міра» *Соколова*. Участвовали въ пѣніи всѣ, кто пѣлъ раньше въ какомъ-либо хорѣ. Каждому хотѣлось пропѣть послѣдній разъ, какъ можно лучше, а особенно регенту А. Жолткевичу, страстному любителю пѣнія и съ выдающимися музыкальными способностями.

Въ концѣ литургіи о. Ректоръ обратился къ окончившимъ питомцамъ со слѣдующимъ, проникнутымъ силой убѣжденія и отеческой любовью словомъ:

«Еще немного времени и вы оставите кровъ этого св. дома. Лучшую пору своей жизни вы провели за школьной скамьей; шесть (а нѣкоторые и болѣе) лѣтъ вы не прерывали нравственного и,

м. с., физическаго общенія съ семинаріей. Періодъ довольно большой, если имѣть въ виду, что онъ имѣлъ громадное вліяніе на выработку вашего міросозерцанія, вашего характера и на образованіе всего вашего «я». Естественно, конечно, оглянуться назадъ и спросить себя—какъ вы провели золотые дни вашей жизни—съ пользой или безъ пользы, искали ли вы смыслъ жизни или нѣтъ? искали ли истину и нашли ли ее?

Отвѣтить на эти вопросы можете только вы,—ибо при рѣшеніи ихъ нужно спросить свою совѣсть. Итакъ спросите ее. А теперь поднимемъ завѣсу будущаго, насколько это возможно для насъ.

Я лично согласенъ съ тѣми мыслителями, которые считаютъ юность лучшей порой нашей жизни, ибо только въ это время въ нашей душѣ естественнымъ образомъ господствуютъ идеальныя порывы, только въ это время намъ сами собою понятны стремленія къ истинѣ и правдѣ. Юность идеалистична, она же и искренна,—эти два свойства ея находятся между собою въ тѣсной связи, ибо нельзя представить стремленіе къ истинѣ неискреннимъ и нечестнымъ. Мы недаромъ настаиваемъ на томъ, что счастье юности въ ея идеалистичности,—дѣйствительно, это ея великое преимущество предъ другими возрастами жизни. Наша литература, да и мы всѣ хорошо знаемъ такіе факты: не успѣетъ человѣкъ покинуть школьную скамью, не успѣетъ узнать жизнь, какъ имъ овладѣваетъ жизненный прагматизмъ, какъ онъ цѣнитъ уже выше всего жизненныя блага, надъ идеальными увлеченіями юности такой человѣкъ уже смѣется, какъ надъ дѣтскими мечтаніями, какъ надъ необдуманными увлеченіями своей фантазіи, оправдываются слова поэта сказавшаго: «суждены намъ благіе порывы, а свершить ничего не дано».

И начинается человѣкъ жить самой обыкновенной, скучной, неинтересной или, какъ теперь принято говорить, мѣщанской жизнью. И становится страшно за человѣка и его жизнь,—такъ онъ хорошо и много мечтаетъ, а на дѣлѣ выходитъ, что эти мечты мыльные пузыри, что это бредъ фантазіи, не имѣющей никакого отношенія къ разумному устроенію жизни.

Теперь, выпуская васъ изъ этой школы, я прежде всего и болѣе всего желаю, чтобы вы сохранили въ себѣ духъ идеализма, вѣру въ торжество правды и въ ея великое значеніе и силу на землѣ.

Пусть жизнь не дастъ вамъ земнаго счастья, пусть, м. б., она будетъ къ вамъ немилостива, не уступайте ея жестокости, вѣрьте, что есть вещи и сильнѣе и благодороднѣе ея.

Вамъ предстоитъ жестокая борьба съ жизнью за сохраненіе юношескихъ идеаловъ—ведите ее до конца, ибо только претерпѣвѣый до конца спасенъ будетъ. Въ борьбѣ этой будете ослабѣвать—тогда ищите помощи у Того, Кто сказалъ: „*въ мѣръ скорбни будете, но держайте! Я побѣдилъ мѣръ*“.

Съ этой вѣрой въ Побѣдившаго мѣръ вступайте же въ жизнь, и да будетъ благословеніе Господне на васъ, Того благодатию и челоуѣколюбіемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ».

Да, скажу и я, что чѣмъ юность прекрасна, такъ это своей идеалистичностью. Юноша счастливъ, какъ молодой орленокъ, когда чувствуетъ въ себѣ приливъ свѣжихъ силъ и нравственной мощи. Въ юности создается тотъ фундаментъ, на которомъ строится вся послѣдующая жизнь и чѣмъ (сильнѣе) крѣпче и и лучше это основаніе, тѣмъ прочнѣе и непоколебимѣе будетъ все зданіе жизни. И чѣмъ полнѣе и содержательнѣе будетъ прожита молодость, тѣмъ счастливѣе будетъ она и тѣмъ радостнѣе и утѣшительнѣе будетъ старость, которая, какъ извѣстно, живетъ идеалами молодости.

О, дай Богъ, чтобы это святое настроеніе никогда насъ не покидало и было для насъ путеводной звѣздой, освѣщающей самыя темныя и незамѣтныя уголки нашей жизни.

Послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ особеннымъ евангельскимъ чтеніемъ о талантахъ. И, дѣйствительно, въ это время насъ вполне можно было сравнить съ рабами, которыхъ господинъ различно надѣлилъ талантами, чтобы каждый изъ нихъ принесъ соотвѣтственно полученному прибыль. Мы рабы Божіи, которымъ Онъ далъ различныя силы и способности и предназначилъ приносить соотвѣтствующіе плоды, и горе тому, кто зароетъ талантъ свой въ землю.

Послѣ молебна о. Ректоръ по примѣру прошлыхъ годовъ пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на прощальный чай. Какъ любящій отецъ, а не какъ начальникъ, бесѣдовалъ о. Ректоръ съ окружавшими его питомцами, разспрашивая, какъ они намѣрены устроить свою будущность и давая полезныя совѣты. Въ концѣ чаепитія товарищъ А. Сегенюкъ обратился къ о. Ректору со слѣдующею рѣчью:

Многоуважаемый о. Ректоръ!

Послѣдній разъ мы собрались всѣ вмѣстѣ—Вы, какъ начальникъ, а мы, какъ Ваши подчиненные. Не дни, не часы, а минуты отдѣляютъ насъ отъ того момента, когда мы, выйдя изъ подъ Вашего гостепріимнаго крова, разсыпемся всѣ по необъятной матушкѣ Россіи: одни уѣдутъ на югъ, другіе на дальній сѣверъ

—въ самыя противоположныя стороны. Одни изъ насъ не удовлетворяясь тѣми знаніями, какія дала имъ семинарская наука, пойдутъ въ академіи и университеты, мечтая о монашествѣ, священствѣ, учительствѣ, адвокатурѣ, доктурѣ—всякій сообразно своимъ наклонностямъ; другіе удовлетворяются скромной, но почетной долей сельскаго священника или учителя, третьи, наконецъ, пробуютъ счастья въ служеніи Марсу. Но какъ ни противоположны наши стремленія и цѣли, дорога у насъ одна—это дорога, ведущая насъ къ загадочному сфинксу, имя которому «жизнь». Мы оставляемъ школу и идемъ въ жизнь. Дорога страшная, страшная своей загадочностью и неизвѣстностью, такъ какъ никто изъ насъ сказать не можетъ, «что день грядущій намъ готовитъ». Многіе изъ насъ не сознаютъ всей важности этого шага, многимъ изъ насъ кажется, что, спустя два-три мѣсяца, мы опять соберемся всѣ вмѣстѣ, какъ привыкли собираться въ тѣ десять лѣтъ, которыя проведены нами на школьной скамьѣ. Но этого не будетъ—мы оставляемъ школу позади и идемъ въ жизнь, мы должны будемъ жить, т. е. прилагать къ дѣлу, осуществлять тѣ познанія и взгляды, тѣ убѣжденія и идеи, какія приобрѣли въ школѣ.

Взглянемъ же на себя и посмотримъ, съ чѣмъ мы идемъ въ жизнь. Съ грустью должны признаться, что жизнь захватила насъ врасплохъ, что мы къ ней совершенно не готовы. Знаній у насъ нѣтъ—есть только обрывки семинарской науки, убѣжденій твердыхъ тоже—въ головѣ у большинства сумбуръ. Кто виноватъ въ этомъ? Школа ли, которая не сумѣла дать намъ знаній и выработать наши убѣжденія—или мы сами со своей поразительной лѣнью, инертностью и спячкой, благодаря которой надъ всѣми идеями у насъ доминирующее положеніе занимали вещи, неизмѣнныя никакого отношенія къ наукѣ? Вопросъ не трудный и отвѣтить на него больше, чѣмъ легко... Но я отвѣчать не буду, я скажу только то, что, во всякомъ случаѣ, виноваты не Вы, о. Ректоръ.

Но, не обладая достаточнымъ количествомъ положительныхъ знаній, ни достаточной твердостью убѣжденій, мы, вступая въ жизнь, несемъ все-таки жаръ въ нашихъ юныхъ душахъ, мы вступаемъ въ жизнь съ твердымъ желаніемъ работать, не щадя силъ, работать на пользу русскаго народа. Какъ ни шатки наши взгляды, но въ большинствѣ они восторженны, такъ какъ родились и живутъ они въ горячихъ головахъ и юныхъ сердцахъ.

«Чего хочутъ?.. чего? О, такъ желаній много»

Такъ къ выходу ихъ силы труденъ путь,

Что, кажется порой, ихъ тайною тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь».

Да, желаній и стремленій много, хотя нѣтъ въ нихъ должной опредѣленности и силы. Большинство изъ насъ смотритъ на жизнь сквозь розовые очки и видитъ все, хотя въ прекрасномъ, но ложномъ свѣтѣ. Очень можетъ быть, что жизнь многихъ изъ насъ скоро безошадно раздавить и скоро многіе изъ насъ найдутъ удовлетвореніе въ мѣщанскомъ довольствѣ. Все можетъ быть, никто изъ насъ еще не разгадалъ загадки, невидимыми буквами написанной на лицѣ загадочнаго сфинкса, который насъ манитъ къ себѣ. Но теперь, когда у насъ только выростають крылья, мы готовы летѣть въ высь, къ солнцу, какъ источнику свѣта и добра, летѣть, не думая о томъ, что буря можетъ обломать наши крылья. Мы не думаемъ объ этомъ, такъ какъ твердо вѣримъ въ истину и добро и твердо надѣемся на торжество ихъ въ этомъ «мірѣ страданій и слезъ». Эта свѣтлая вѣра и надежда на что-то лучшее впереди—она одна ободряетъ и обнадеживаетъ насъ при нашемъ вступленіи въ жизнь. Безъ нея мы были бы совершенно безоружны.

А тѣмъ, что эта свѣтлая вѣра въ истину и добро живетъ въ насъ, что она не потухла въ насъ, не смотря на наше халатное отношеніе къ ней—этимъ мы много обязаны Вамъ, многоуважаемый о. Ректоръ. Вы ее зажгли въ насъ, Вы же старательно ее поддерживали.

Невольно вспоминается то время, когда Вы, три года тому назадъ, явились въ нашу семинарію въ скромномъ званіи преподавателя Литургіи и Гомилетики. Вы скоро завоевали самую глубокую симпатію въ массѣ семинаристовъ, а это, при нашихъ семинарскихъ нравахъ, очень и очень трудно. И не напрасно: Вы явились къ намъ полный внутренняго огня и силы и такимъ были и на церковной и на классной кафедрѣ и въ частной, обыденной жизни. Изъ Вашихъ устъ многіе изъ насъ впервые въ жизни услышали съ церковной кафедры не шаблонную проповѣдь съ азбучными истинами, а рѣчь живую, полную огня и силы. Затѣмъ Вы принялись за устройство литературныхъ чтеній, читали сами, предлагали ученикамъ читать, что найдутъ лучшаго, писать рефераты. Правда, и въ данномъ случаѣ Вы натолкнулись на ту же семинарскую лѣнь, но какъ бы то ни было, а благодаря Вамъ семинарія проснулась, зашевелилась и пришла въ жизнь. Начался живой обмѣнъ мыслей, семинаристы стали знакомиться съ новѣйшими произведеніями русской литературы. Ученическая бібліотека наполнилась лучшими и новѣйшими изданіями.

Такая же живая была и Ваша педагогическая дѣятельность. Въ первый годъ Вы успѣли настолько оживить уроки Гомилетики и Литургйки, на которыхъ обыкновенно всѣ склонны ко сну, благодаря плохо составленной программѣ и скучнымъ учебникамъ, Вы сумѣли такъ оживить, что мы слушали Васъ съ удовольствіемъ и часто Вы насъ брали за живое. Тоже и въ послѣдніе два года, когда Вы преподавали Священное Писаніе. Вы не заставляли насъ зазубривать схоластичные учебники, а старались ввести насъ въ пониманіе внутренняго духа и силы Божественнаго ученія, и не научился у Васъ ничему только тотъ, кто упорно не хотѣлъ ничему учиться.

Затѣмъ, задавая темы по сочиненію, Вы всегда старались о томъ, чтобы заинтересовать насъ, взять за живое, и многіе изъ насъ писали сочиненія по Вашему предмету съ удовольствіемъ. Я не буду распространяться о темахъ—они сами краснорѣчиво говорятъ за себя. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «Тайна проповѣдническаго вліянія старца Зосимы» (по Достоевскому). «Преосвященнѣйшій Антоній, какъ представитель нравственно-практическаго направленія въ проповѣди». «Искушенія Господа въ пустыни и искушенія пастыря въ жизни» и т. п.

Такъ же жива и плодотворна была и Ваша воспитательная дѣятельность, которую Вы въ послѣдніе два года несли сначала въ должности инспектора, а затѣмъ—ректора. Вы стали инспекторомъ въ трудныя времена. Вступили Вы въ эту должность и атмосфера въ семинаріи измѣнилась до неузнаваемости. Никто не можетъ упрекнуть Васъ въ излишней строгости. Къ строгости Вы прибѣгали рѣдко, когда безъ нея обойтись было нельзя. Вы никогда не были для насъ только «начальствомъ», мы видѣли въ Васъ чловека, всегда готоваго поддержать каждаго изъ насъ, посоветовать, внушить просто безъ начальническаго крика. У Васъ всегда можно было найти справедливость и Вы оказывали ее, растворяя ее съ любовью и милостью и не роняя при этомъ никогда въ глазахъ учениговъ своего достоинства. Вы создали всѣ условія, въ которыхъ мы могли многому научиться и составить себѣ идеалы—Вы совершили «вся повелѣнная Вамъ» и мы Вамъ признательны отъ всего сердца.

Теперь же, когда намъ пришло время прощаться со школой, въ которой протекли бурно лучшіе наши годы, и съ Вами, многуважаемый о. Ректоръ, мы отъ всей души желаемъ вамъ силъ и недюжинной нравственной мощи, необходимыхъ для того, чтобы встряхнуть нашего семинариста, вывести его изъ состоянія оцѣпенѣнія и вдохнуть въ него живую душу. Отъ всей души же-

лаемъ Вамъ успѣха въ этомъ славномъ дѣлѣ и многихъ, многихъ-лѣтъ!

Дружное и единодушное многолѣтіе заключило эту сердечную рѣчь, которая до слезъ тронула о. Ректора и побудила его обратиться къ намъ еще разъ приблизительно со слѣдующимъ словомъ назиданія:

«Всякій общественный дѣятель, сказалъ онъ, долженъ стремиться не къ тому, конечно, чтобы о немъ хорошо отзывались и его хвалили, но чтобы служить своимъ ближнимъ честно и самоотверженно, нисколько не заботясь о той наградѣ, которая его ожидаетъ. Но, все-таки, выраженные вами чувства, будутъ имѣть для меня то важное значеніе, что послужатъ ободреніемъ и поддержкой въ моей дальнѣйшей дѣятельности. Провожая въ жизнь своихъ питомцевъ три года тому назадъ, я сравнивалъ жизнь со сказкой, въ которой говорится о розахъ безъ шиповъ, и желалъ, чтобы въ нашей жизни было побольше розъ и не было бы шиповъ. Прощаясь теперь съ вами, друзья мои, я привожу для примѣра сказку, идея которой выражена на этой картинѣ, гдѣ богатырь остановился предъ камнемъ, на которомъ написано, какая его ожидаетъ судьба на каждой изъ находящихся передъ нимъ дорогъ, и прошу васъ не расходиться въ жизни по различнымъ дорогамъ, не дѣлиться на партіи, которыя по своимъ взглядамъ не содержатъ истины и одна другой противорѣчатъ, но стремитесь къ Вѣчной Истинѣ и Правдѣ. И апостоль Павелъ, какъ вы сегодня слышали, убѣждалъ коринфянь, чтобы они не дѣлились на партіи и чтобы у нихъ не было другого авторитета, кромѣ Христа.

Итакъ, позвольте мнѣ еще разъ пожелать вамъ отъ души всего, всего наилучшаго и да хранитъ васъ Господь отъ всякаго зла».

Всѣ поклонились о. Ректору и стали подходить къ нему прощаться. Въ это время почти у каждаго на лицѣ можно было прочесть глубокую грусть. Не одинъ, вѣроятно, задумался надъ своимъ безцѣльнымъ и бессмысленнымъ прошлымъ и жалѣлъ о томъ, что самое драгоцѣнное время жизни прошло такъ безсодержательно и пусто и ушло безвозвратно. Другіе съ замирающимъ сердцемъ стояли предъ таинственной завѣсой жизни и думали о томъ, приласкаетъ ли она ихъ, какъ мать любимое дитя, или же она безпощадно исковеркаетъ и уничтожитъ ихъ въ своемъ бурномъ и страшномъ водоворотѣ. А нѣкоторымъ, быть можетъ, взгрустнулось и при той мысли, что скоро придется имъ навсегда оставить тѣ стѣны, гдѣ проведены лучшіе годы жизни.

Но какъ бы ни была различна эта грусть, она была замѣтна на лицѣ каждаго, она какъ бы носилась въ самомъ воздухѣ.

Теперь же пусть будетъ позволено и мнѣ, дорогіе друзья и товарищи, выразить вамъ мои искреннія и сердечныя пожеланія. Дай Богъ, чтобы васъ никогда не покидала честность, стремленіе къ добру и истинѣ, чтобы васъ не оставляла живая вѣра, что добро и правда всегда возможны и приложимы на землѣ. Желаю вамъ не счастья земного и наслажденій, не забавъ и мелкихъ радостей, но тѣхъ чистыхъ радостей и наслажденій, которыя возможны лишь тогда, когда мы смотримъ на жизнь не какъ на шутку и забаву, но какъ на подвигъ великій и святой. Желаю вамъ не исполненія любимыхъ мыслей и мечтаній, а исполненія долга, потому что, не наложивъ на себя желѣзныхъ цѣпей долга, мы благополучно не дойдемъ до конца своего земного поприща.

Итакъ, смѣло, друзья и товарищи, вступимъ мы въ жизнь и сила Божія да будетъ намъ въ помощь.

В. Ставицкій.

Къ свѣдѣнію духовенства Волынской епархіи.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 6 февраля 1906 года за № 1115 постановлено, чтобы всѣ вопросы, подлежащіе разрѣшенію Епархіальнаго Съезда, предварительно представлялись обсужденію Благочинническихъ Окружныхъ собраній такъ, чтобы депутаты являлись на Съездъ дѣйствительными представителями духовенства и выразителями его мнѣній. Въ виду этого постановленія всѣ вопросы, имѣющіе быть на разсмотрѣніи Епархіальнаго Съезда, изложены въ циркулярномъ указѣ Волынской Духовной Консистеріи, отъ 15 марта сего 1906 г. за № 5027, и предложены духовенству епархіи на обсужденіе. вмѣстѣ съ другими вопросами въ упомянутомъ указѣ предложено на обсужденіе духовенства и мое ходатайство о одновременномъ взносѣ отъ каждой самостоятельной церкви по 2 руб. и приписной по 1 руб. для образованія фонда на постройку новой церкви въ селѣ Пражевѣ, Житомирскаго уѣзда.

Духovenство епархіи, прочитавъ объ этомъ ходатайствѣ, не зная мотивовъ его вызвавшихъ и дѣйствительной необходимости въ оказаніи помощи, можетъ не задумываясь отказать въ послѣдней, а потому, нравственною своею обязанностию, считаю необходимымъ выяснитъ сущность дѣла.

Церковь въ селѣ Пражевѣ выстроена изъ сосноваго дерева въ 1750 году. Нѣсколько разъ она ремонтировалась, а главный